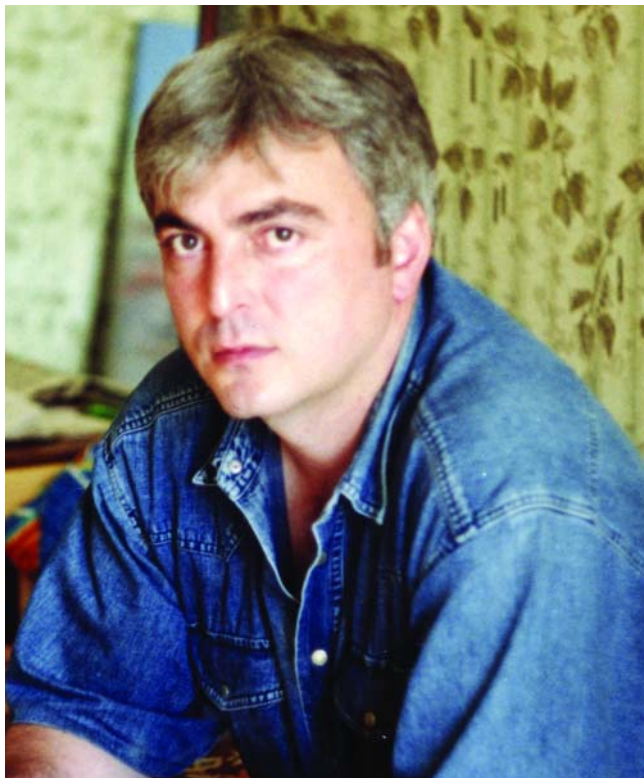

«ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА»

Процесс формирования человека, его характера, отношения к окружающему миру, природе начинается с детства. Так все и произошло в жизни Алеко Химшиашвили. Сегодня ему исполнилось уже сорок лет, родом он из Грузии, по профессии художник. Художник самобытный, замечательный, да и человек прекрасный. В нем удивительным образом сочетаются детская непосредственность, наивность и восточная мудрость. В основном все его картины рождаются под влиянием

любви. Любовь – это вообще главное для него. Оригинальность живописи этого мастера проявляется в соединении традиционной грузинской школы живописи и современных тенденций изобразительного искусства. Среди сюжетов его полотен вполне традиционные жанры – портреты, лиричные сценки из повседневной жизни, изображения животных. Особенно выделяются последние. Смешные зверушки в работах Алеко Химшиашвили, наполненные юмором и тонкой иронией, приобретают человеческие характеры – сатирически преувеличенные, но при этом всегда приятные, запоминающиеся. Скоро в Москве открывается его персональная выставка. А пока в историческом центре столицы, если идти по Большому Спасоглинищевскому переулку, можно зайти в недавно открывшийся ресторан «Царица Тamar», пройти во второй зал и посмотреть его росписи, изображающие царицу Тамару рядом с влюбленным в нее поэтом – казначеем Шотой Руставели. Здесь же и знаменитый город в скале – Вардзия, в котором остатки своих дней провела уже отрешившаяся от престола царица. И вид на знаменитый монастырь. Вспоминаете: «Там, где сливаются, шумят, Обнявшись, будто две сестры, Струи Арагвы и Куры, Был монастырь».

...Алеко сидел, спрятавшись в огороде, и с испугом наблюдал оттуда, что происходит во дворе его сельского дома. В этот день на занятия он не пошел, так как директор вызвал в школу его родителей, а те в свою очередь пообещали сыну хорошую взбучку, если он там что-то успел натворить. Но он за собой вины не чувствовал. И вот они вернулись и стали разыскивать его. Делать было нечего, и он, как говорится, предстал перед их ясные очи. Но все оказалось не так страшно. Даже наоборот. Дело в том, что в это

время в районе проходил конкурс детских работ, куда были отправлены также рисунки и чеканка Алеко. И вот теперь выяснилось, что он победил в этом конкурсе, в школу прислали грамоту. Директор был в восторге. Родители тоже остались довольны...

– **А родители поощряли Вашу страсть к рисованию?**

– Поначалу нет. Они всю жизнь провели, работая на земле. От меня они требовали, чтобы и я помогал им. Но меня всегда тянуло к природе, иногда я на целый день убегал в лес и

бродил там, наслаждаясь красотой этого мира. Я люблю горы, люблю море, люблю лес. Обожаю все, что создала природа: зверей, птиц, мне нравится наблюдать за их повадками.

Помню, как-то меня отправили к бабушке, которая жила в селе Меоре Свири близ Кутаиси. Бабушка что-то пекла, а мне дала пластилин, чтобы ей не мешал. Начал лепить голову коровы. Какова же была моя радость, когда у меня получилось! А однажды к нам пришел дядя, и я ему сказал: «Давай, я тебя сейчас нарисую». Он не поверил,

а когда я его нарисовал, он был до крайности изумлен. «Как ты это сделал?»... А я и сам не понял как, но у меня получилось. Вот после этого случая мама и отвезла меня в художественную школу. Потом был техникум им. Тоидзе в Тбилиси, куда я поступил без чьей-либо помощи. Через год меня призвали в армию, но моя учеба не прервалась, потому что в армии я получил большую практику. Приходилось заниматься и оформительством, и серьезной работой над портретами жен и родственников моих начальников-офицеров.

Когда вернулся из армии, пришел в училище на второй курс. А в Академии художеств учился мой друг, который был старше меня на семь лет. Я часто приходил туда, уж очень хотелось поступить в Академию. Студенты рисовали в студии фигуры, и я рисовал вместе с ними, потом рисунки отдавал этим ребятам. Помню, что за мою работу один из студентов получил пятерку. После этого они всегда радовались, когда я приходил к ним, и просили: «Давай и мне сделай, и мне...»

Однажды один из педагогов предложил мне нарисовать портрет кого-то из членов Политбюро. Я еще не

учился в Академии, когда из художественного комбината делали художникам заказ на портреты вождей и членов Политбюро. Профессора брали заказы и зарабатывали на них большие деньги. И для меня это оказалось хорошим материальным подспорьем. Так что я рано начал зарабатывать себе на жизнь. И вообще я всегда стремился быть самостоятельным и независимым.

В Академию я поступил неожиданно легко, хотя конкурс туда был, как всегда, очень большой. Из всех абитуриентов на экзамене по рисованию я единственный получил высшую оценку – 25 баллов! И не было никаких взяток или знакомств. Мне и самому не верилось, что сбылась моя мечта и я поступил...

– Состояться в России, где художник больше чем художник (как и поэт), без поддержки невероятно трудно. Здесь я с Вами полностью согласен. Говорят, только в Москве 350 тысяч художников, и умудриться выделиться из них еще надо суметь.

– Безусловно, мне помогло то, что я прошел такую школу, как Академия

художеств. Среди моих учителей были: заслуженный художник Грузинской ССР, лауреат государственной премии СССР Николай Игнатов, известный художник Владимир Канделаки. К тому же я получил опыт работы в мастерских Зураба Константиновича Церетели. Я очень уважаю и ценю этого мастера и считаю его не просто знаменитым земляком, но и одним из моих учителей.

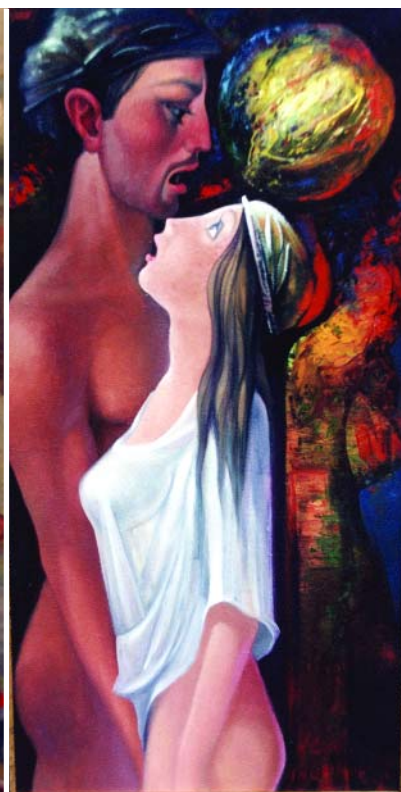
Но самую главную поддержку мне всегда оказывали женщины, которых я люблю и обожаю. Не будь их, не было бы и моих работ. Именно в них я черпаю свое вдохновение, именно женщины делают этот мир таким интересным и неповторимым, только ради них хочется создавать и творить что-то новое. Среди моих картин много женских портретов, чаще всего это не конкретные лица, а некий собирательный образ, мой идеал женщины. Она и красива, и благородна, и умна, и лукава, и хрупка и сильна одновременно. Настолько мне интересен ее внутренний мир. Но не только в работе, а и в жизни я чувствую женскую поддержку. И я мечтаю всех женщин на свете видеть счастливыми. Поэтому когда я за-

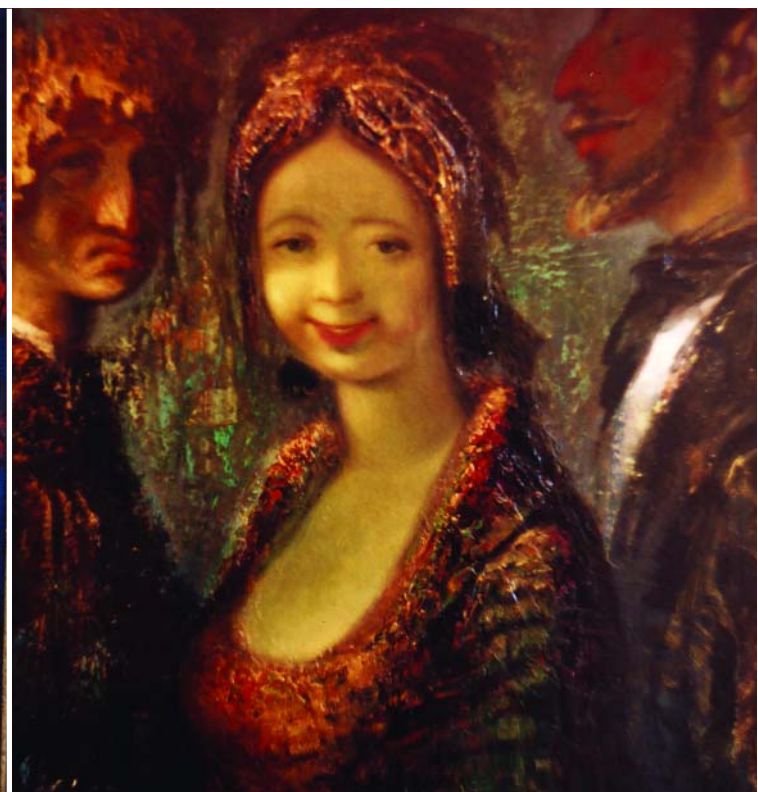
«Зураб Константинович Церетели не только мой земляк, я считаю его и своим учителем»

Алуда

Познание мира

Загадка Бахуса

хожу в церковь, то всегда ставлю свечку за женщин.

А еще я очень ценю дружбу. У меня замечательные, верные друзья и здесь, в Москве, и на родине, в Грузии. И что бы ни происходило в моей жизни, я знаю, что на них могу положиться как на самого себя. В основном все они творческие, талантливые люди, поэтому нам интересно вместе. Каждый идет своим путем. Я радуюсь их успехам, а они моим. Я переживаю за их неудачи, а они поддерживают меня в трудные минуты. И если друг позовет меня куда-то, я даже не спрашиваю, зачем я ему сейчас нужен, просто тут же еду к нему. Дружба – главное богатство на земле.

Я родился в семье, где всегда чтит традиции, всегда много трудились и заботились друг о друге. У меня есть два брата, которых я очень люблю и уважаю. Случается, что иногда я могу их за что-то поругать, мне, как старшему, это позволено. Но никогда никаких обид из-за этого не бывает. Родители воспитывали нас достаточно жестко, чтобы мы выросли настоящими мужчинами, каких много в Грузии, мужественными, справедливыми, честными, порядочными. У нас очень гостеприимный дом, в нем перебива-

ло море гостей, и каждого ждали внимание и забота, и стол полный еды и вина, и теплая постель. И всегда был тост за стариков, за наши корни, за нашу Землю.

Стариков я обожаю, с ними никогда не бывает скучно, ведь у каждого из них своя неповторимая история жизни. А еще они становятся очень похожими на детей, такие же живые, непосредственные, милые и ранимые, но при этом мудрые и справедливые.

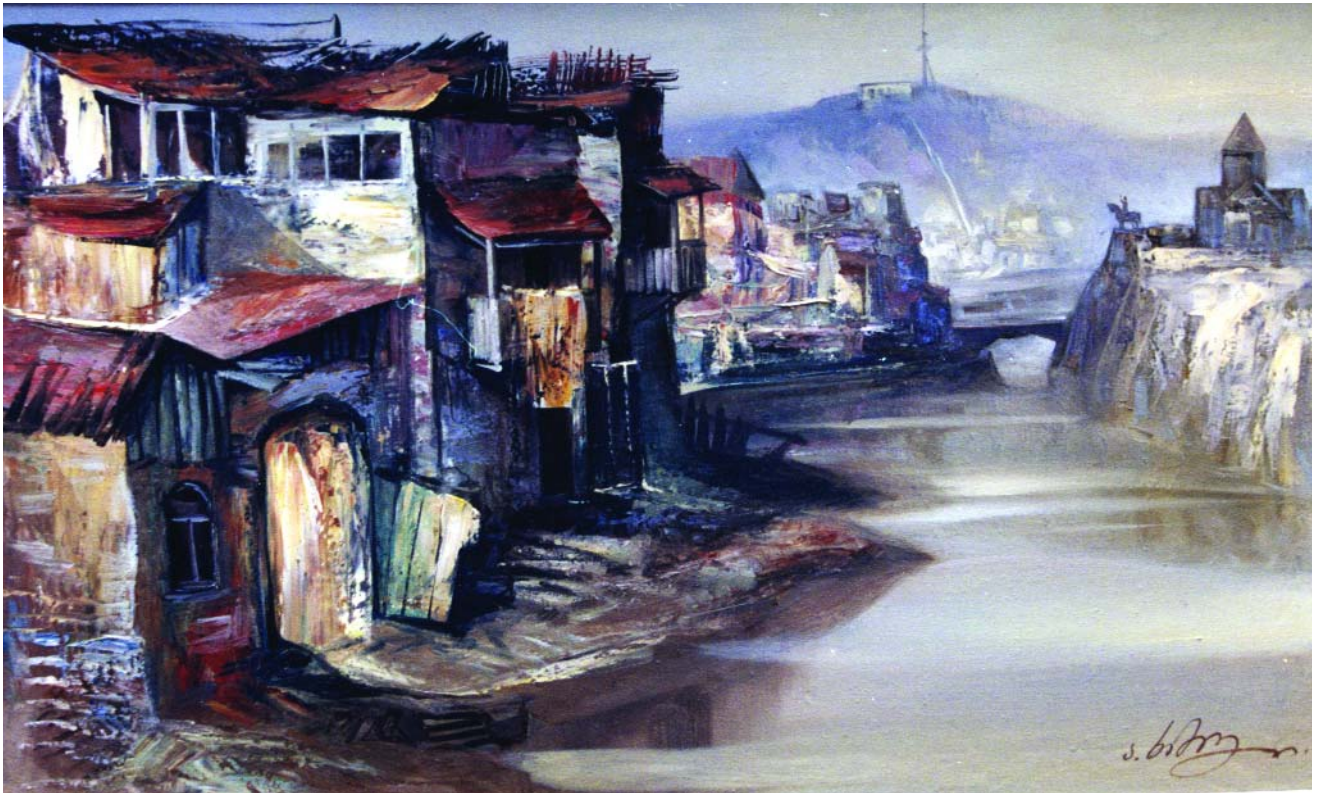
Часто вспоминаю одну забавную историю. Когда-то, будучи студентом, я снимал комнату у пожилой женщины. Однажды сижу у себя, работаю и слышу через стенку разговор моей соседки с гостем. Она ему все время твердит, причем кокетливо: «Я не могу, не могу, ну что вы? Я уже старая, больная, ну зачем это? Оставьте меня, пожалуйста, в покое». А ей в ответ: «Я домой не пойду, я люблю тебя уже много-много лет! Я так сильно тебя люблю!» Я тогда и представить себе не мог, что в свои 70–80 лет они могут любить, словно им по 20. Вы знаете – это так прекрасно! Только вот бабушка-кокетка так и не согласилась (смеется).

На моих картинах старики – это не просто прожившие трудную жизнь люди, но сумевшие сохранить свежесть

чувств, любовь, верность, заботу друг о друге. На одной из выставок в Центральном доме художников висела моя картина: дедушка с бабушкой сидят вместе на лавочке, и он так мило обнимает свою подругу, а лицо ее светится радостью. Так вот, мне потом рассказывали зрители, как молодые парочки останавливались возле этой картины и брали друг друга за руки, и даже некоторые обнимали и целовали друг друга. И не было это ни пошло, ни вульгарно. Мне хочется донести до молодых людей – вот такие ваши бабушки и дедушки. Старость тоже может быть прекрасна! Только надо ценить и беречь человеческие чувства. И если человек в мыслях способен перешагнуть пограничный барьер рамы и оказаться внутри холста, и его трогает то, что на нем изображено, – значит, мир может стать чуточку лучше, добрее, и моя задача художника-гражданина будет в какой-то степени выполнена...

– Какой стиль преобладает в Ваших работах?

– Я работаю в разных стилях и направлениях, много экспериментирую, рисую быстро. Мне важно передать характерные черты моего персонажа, чтобы было видно не просто лицо, за

Старый Тбилиси

ним должно стоять что-то гораздо большее. Очень люблю жанровые сценки. Есть среди моих работ и пейзажи, и детские портреты. А стиль может быть самый разный, от романтического реализма до... Я пробовал и кубизм, и абстракционизм, и сюрреализм, и классицизм, и еще сам не знаю что... Каждая работа требует особого подхода. Я ненавижу загонять себя в определенные рамки, работаю так, как того хочет сейчас душа.

– Есть ли у Вас кумиры, мастера, перед которыми Вы преклоняетесь и творчество которых Вам наиболее близко?

– Ну, конечно, были, есть и будут мастера, искусство которых не оставляет меня равнодушным. Это и Рембрандт, и Леонардо, и вообще много-много имен. Разные поколения, разные направления, разные имена. Но у меня такой характер, что я всегда избегаю попасть под чье-либо влияние, какой бы прекрасный художник ни был, как бы мне он ни нравился.

– Вы с легким сердцем расстаётесь со своими работами?

– Есть у меня работы, которые я никогда не буду продавать. Когда я их делал, то вообще не думал о продаже. Либо я в этот момент женщину любил,

или у меня определенное настроение было. Все эти картины для меня очень многое значат. Переживаю сейчас, что продал одну картину, ее купил один богатый американец. Она была очень маленькая, там была нарисована девушка, держащая в руке свечу. Вот за эту картину я переживаю. Я с удовольствием выкупил бы ее, отдав в десять раз больше, чтобы только вернуть назад. Потому что то время, и то чувство, которое я испытывал, работая над этой картиной, мне уже никто не вернет. А мне этого не хватает.

– Как Вы считаете, художник не должен подстраиваться под рынок, или все зависит от обстоятельств?

– Я думаю, что любой настоящий художник не должен подстраиваться под рынок. Искусство и рынок – вещи, далекие друг от друга. Но когда художнику нечего есть и не на что купить себе краски и холст, он вынужден идти на рынок. И здесь, как правило, искусство кончается. И все же компромисс возможен. Я всегда делаю то, что мне самому интересно. Искусство без души я не признаю.

– Искусство должно отражать действительность?

– Я думаю, что если писатель пишет, рассказывает что-то, певец что-то

поет, то художник должен, самое главное, передать на холсте эмоции, чувства, неважно радости или горя. Если он хорошо передаст и люди это почувствуют, значит, он это здорово сделал.

– Что Вы считаете своей самой сильной чертой?

– Самокритичность и честность. Я могу сам себя критиковать, наказывать, я не боюсь сказать: «Извините, я был не прав!» И считаю, что это здорово. Мне становится легче. Я никогда не врал, я никогда не обманывал женщин. Женщины иногда хотят услышать от мужчин неправду, но я так не могу, потом проходит какое-то время, и они говорят спасибо. Это очень трудно, но получаешь огромное удовольствие, когда ты честен внутри.

– У Вас есть какие-то профессиональные секреты?

– Есть определенная манера, свои технологии, которые не показывают другим. Вообще, на эту тему не принято откровенно говорить.

– Что является необходимым условием для серьезного творчества?

– Да все, что тебя окружает, все, что вокруг тебя происходит: и горе, и радость. Условие только одно, чтобы было куда положить краски, поставить

Парочка на скамейке

Девочка со скрипкой

Голодный ужин

холст. Остальное – жизнь, и никуда от этого не денешься.

– **Считаете ли Вы себя успешным, в полной мере реализовавшимся человеком?**

– Если даже человек проживет 100–200 лет, он все равно не сможет сказать, что успел сделать все. Надо признать, что это невозможно. Чем

больше ищешь разные стили, разный подход в работе, тем больше проявится то, что ты еще не успел сделать и не успеешь никогда.

– **Картины, рождаясь в одиночестве мастерских, достигают своего апофеоза на больших выставках, в присутствии зрителей, чтобы потом на долгие годы упокоиться в инте-**

рьерах купивших их ценителей или музеев...

– Вопрос понятен. На выставке, которую я сейчас готовлю, собираюсь показать свои новые работы. Читатели журнала «Признание» узнают первыми, когда и где она будет проходить.

**Беседовал
Анатолий МАЛЮГИН**